

ПОВОРОТ ВИНТА

Увидела ли она призраков — или они увидели её?

ГЕНРИ ДЖЕЙМС

Генри Джеймс

Поворот винта

«Автор»

2026

Джеймс Г.

Поворот винта / Г. Джеймс — «Автор», 2026

Молодая гувернантка приезжает в уединённое поместье Блай, чтобы заботиться о двух осиротевших детях: прелестной Флоре и её брате Майлзе. Хозяин дома ставит единственное условие: никогда его не беспокоить. Но вскоре на башне и у озера ей начинают являться незнакомые фигуры, а дети ведут себя так, будто знают о них больше, чем говорят. Одна в огромном доме, она решает защитить их любой ценой, но с каждым днём всё меньше понимает, кому можно верить. Почему Майлза исключили из школы? Видит ли призраков кто-то ещё или опасность живёт лишь в воображении рассказчицы? Классическая готическая повесть Генри Джеймса, где страх рождается из недосказанности, а каждое слово можно прочесть двояко. С каждой главой винт затягивается туже, и остановить его невозможно.

© Джеймс Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	6
I	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Генри Джеймс Поворот винта

Глава

Поворот винта

Генри Джеймс

Пролог

Мы слушали рассказ у камина, затаив дыхание. Кроме очевидного замечания, что история жуткая (а как иначе: сочельник, старый дом, страшному рассказу тут положено быть именно таким), никаких разговоров я не помню, пока кто-то не обронил, что на его памяти это единственный случай, когда призрак явился ребёнку. Речь шла о привидении в таком же старом доме, как тот, где мы собрались в тот вечер: оно явилось маленькому мальчику, спавшему в одной комнате с матерью, и он в ужасе её разбудил. Разбудил не затем, чтобы она развеяла его страх и убаюкала снова: прежде чем она успела это сделать, ей самой пришлось увидеть то, что так потрясло сына. Это замечание и вызвало у Дугласа ответ — не сразу, а позже вечером, — и у ответа оказалось любопытное следствие, на которое я и хочу обратить внимание. Кто-то рассказал ещё одну историю, не слишком удачную, и я заметил, что Дуглас её не слушает. Я решил, что ему самому есть что рассказать и нам остаётся только ждать. Ждать пришлось до второго вечера, но уже в первый, перед тем как мы разошлись, он выложил, что у него на уме.

— Согласен с вами насчёт призрака Гриффина, или чем бы он ни был: то, что он явился сперва маленькому мальчику, да ещё в таком нежном возрасте, добавляет особый штрих. Но это не первое такое милое происшествие с ребёнком, мне известны и другие. Если один ребёнок добавляет ещё один поворот винта, что вы скажете о двух других детях?..

— Скажем, конечно, — воскликнул кто-то, — что поворотов стало два! И что нам не терпится о них услышать.

Я как сейчас вижу Дугласа у камина: спиной к огню, руки в карманах, он смотрел сверху вниз на собеседника.

— Никто, кроме меня, этого до сих пор не слышал. Слишком уж это ужасно.

Несколько голосов тут же заявили, что тем она и ценнее, а наш друг со спокойным мастерством готовил свой триумф: он обвёл нас взглядом и продолжил:

— Это выше всего на свете. Ничего похожего я не знаю.

— Чистый ужас? — спросил я, помнится.

Видимо, всё было не так просто, и подходящего слова он не находил. Провёл рукой по глазам, слегка поморщился.

— Жутко... Жуть!

— Ах, как восхитительно! — воскликнула одна из дам.

Он не обратил на неё внимания. Смотрел на меня, но, кажется, видел не меня, а то, о чём говорил.

— Сплошная жуткая мерзость, ужас и боль.

— Тогда садитесь, — сказал я, — и начинайте.

Он повернулся к камину, пнул полено, посмотрел на него. Потом снова повернулся к нам:

— Не могу. Придётся послать в город.

Все застонали, посыпались упрёки; он, думая о чём-то своём, пояснил:

— Она записана. Лежит в запёртом ящике, годами никто не трогал. Я мог бы написать своему человеку и вложить ключ; он найдёт пакет и пришлёт.

Обращался он, как мне показалось, именно ко мне и словно просил помочь ему не дрогнуть. Он пробил лёд, нараставший не одну зиму, и молчал так долго не без причин. Остальные негодовали из-за отсрочки, а меня как раз его щепетильность и очаровала. Я стал уговаривать его написать с первой же почтой и назначить нам скорое чтение, а потом спросил, не с ним ли самим всё это случилось. Ответ последовал сразу:

— О, слава богу, нет!

— А запись ваша? Вы сами это записали?

— Только впечатление. Вот здесь, — он коснулся груди. — С тех пор оно со мной.

— Тогда ваша рукопись...

— Выцветшими чернилами, самым красивым почерком на свете. — Он снова замялся. — Женским. Её уже двадцать лет нет в живых. Эти страницы она прислала мне перед смертью.

Теперь слушали все, и, конечно, нашёлся кто-то, кто лукаво заулыбался или хотя бы стал делать выводы. Дуглас отмахнулся от выводов без улыбки, но и без раздражения.

— Она была очаровательна, но на десять лет старше меня. Гувернантка моей сестры, — тихо сказал он. — Милейшая из женщин, каких мне доводилось встречать на её месте; она заслуживала любого положения. Это было давно, а сама история случилась ещё раньше. Я учился в Тринити и, приехав домой на второе лето, застал её у нас. Я много бывал дома в тот год, лето выдалось чудесное, и в её свободные часы мы гуляли по саду и разговаривали. Мне она казалась ужасно умной и славной. Да-да, не ухмыляйтесь: она мне очень нравилась, и до сих пор приятно думать, что и я ей. Иначе она бы мне не рассказала. Она вообще никому не рассказывала. Не потому, что сама так сказала, — я просто знал это. Был уверен. Видел. Вы без труда поймёте почему, когда услышите.

— Потому что история её так напугала?

Он не отводил от меня глаз.

— Вы поймёте, — повторил он. — Поймёте.

Я тоже не отводил глаз.

— Понятно. Она была влюблена.

Он впервые засмеялся.

— Вы проникательны. Да, была влюблена. Вернее, когда-то была. Это вышло наружу: без этого рассказать свою историю она бы не смогла. Я это заметил, и она заметила, что я заметил, но мы об этом не заговаривали. Помню и время, и место: угол лужайки, тень огромных буков, долгий жаркий день. Не то место, чтобы содрогаться, но, ах!... — Он отошёл от камина и опустился в кресло.

— Пакет придёт в четверг утром? — спросил я.

— Вряд ли раньше второй почты.

— Ну тогда после ужина...

— Вы все придёте сюда? — Он снова обвёл нас взглядом. — Разве никто не уезжает? — спросил он почти с надеждой.

— Все останутся!

— Я останусь! И я! — закричали дамы, у которых отъезд был назначен. Миссис Гриффин, однако, потребовала чуть больше света.

— В кого она была влюблена?

— Это расскажет история, — вызвался ответить я.

— Ох, ждать историю я не могу!

— История не скажет, — возразил Дуглас, — по крайней мере, в прямом, пошлом смысле.

— Тем хуже. Иначе я не понимаю.

— Дуглас, а вы не расскажете? — спросил кто-то другой.

Он снова вскочил.

— Расскажу, завтра. А сейчас спать. Спокойной ночи. — Он быстро подхватил подсвечник и оставил нас в некотором замешательстве. С нашего конца большого тёмного холла было слышно, как он поднимается по лестнице, и тут заговорила миссис Гриффин:

— Ну, если я не знаю, в кого была влюблена она, то уж в кого был влюблён он, знаю.

— Она была на десять лет старше, — сказал её муж.

— Тем более! В таком-то возрасте! И как же мило, что он так долго молчал.

— Сорок лет! — вставил Гриффин.

— И вот наконец прорвало.

— Этот прорыв, — отозвался я, — сделает из четверга великий вечер, — и все так горячо со мной согласились, что ни на что другое внимания уже не осталось. Последняя история, хоть и оборванная, похожая на начало романа с продолжением, была рассказана; мы пожали друг другу руки, «расподсвечникались», как выразился кто-то, и разошлись спать.

На следующий день я узнал, что письмо с ключом первой почтой ушло к нему на лондонскую квартиру. Но то ли вопреки этой новости, то ли именно благодаря ей (о ней знали все) мы не трогали его до самого вечера, до того часа после ужина, который лучше всего подходил к чувствам, на какие мы рассчитывали. Тут он стал таким разговорчивым, каким мы только могли пожелать, и сам объяснил почему. Мы слушали его снова у камина в холле, как накануне слушали наши мелкие чудеса. Оказалось, что для настоящего понимания рукописи, которую он обещал нам прочесть, нужно несколько слов предисловия. Скажу прямо, чтобы покончить с этим: рукопись, которую я сейчас приведу, воспроизведена мной с собственной точной копии, снятой гораздо позже. Бедный Дуглас перед смертью, когда конец был уже виден, передал её мне. К нему она дошла на третий день, а на четвёртый вечер, на том же месте, он с огромным успехом начал читать её нашему притихшему кружку. Дамы, обещавшие остаться, разумеется, не остались, слава богу: они уехали, как было условлено, уверяя, что сгорают от любопытства, которое разожгли в них его намёки. Но от этого последний круг слушателей стал только теснее и отборнее: все сидели у очага, объединённые общим трепетом.

Первый из этих намёков состоял в том, что письменный рассказ подхватывал историю с момента, когда она, в некотором роде, уже началась. Следовало знать вот что: его старая подруга, младшая из нескольких дочерей бедного деревенского священника, двадцати лет от роду, впервые поступая на службу в детскую, приехала в Лондон, трепеща от волнения, чтобы лично откликнуться на объявление, по которому успела вступить в краткую переписку с тем, кто его дал. Явившись на суд в дом на Харли-стрит, который показался ей огромным и величественным, она увидела будущего нанимателя: джентльмена, холостяка в расцвете лет, какой возникает перед растерянной, встревоженной девушкой из хэмпширского пасторского дома разве что во сне или в старом романе. Тип его легко определить; он, к счастью, не вымирает. Красивый, смелый и приятный, непринуждённый, весёлый и добрый. Он, разумеется, показался ей галантным и блестящим, но больше всего её подкупило — и придало ей то мужество, которое она потом проявила, — что он представил всё как любезность, как долг, который он с благодарностью на себя возьмёт. Она решила, что он богат, но чудовищно расточителен, и представляла его в сиянии светской моды, красивой внешности, дорогих привычек и обворожительной обходительности с женщинами. Городской дом у него был огромный, набитый добычей путешествий и охотничьими трофеями, но ехать ей он хотел сразу же в загородный, в старое родовое имение в Эссексе.

После смерти родителей в Индии он остался опекуном маленького племянника и маленькой племянницы — детей младшего брата, военного, которого потерял два года назад. По самой странной случайности (для человека в его положении, одинокого, без подходящего опыта и без капли терпения) дети оказались у него на руках, и обуза была тяжёлая. Всё это было сплошной докукой и, без сомнения, с его стороны цепью промахов, но бедных птенцов ему было очень жаль, и он сделал что мог. В частности, отправил их в свой загородный дом, ведь место для них, понятно, в деревне, и с самого начала держал там, окружив лучшими людьми, каких удалось найти, отдав им даже собственных слуг и наезжая сам, когда мог, посмотреть, как у них дела. Неудобство состояло в том, что другой родни у них, считай, не было, а его собственные дела занимали всё время. Он поселил их в Блае, месте здоровом и надёжном, а во главе их маленького хозяйства — но только над прислугой — поставил превосходную женщину, миссис Гроуз, которая, он был уверен, понравится его госте и которая прежде была горничной его матери. Теперь она служила экономкой и пока что присматривала за девочкой, к которой, не имея собственных детей, была, на их счастье, очень привязана. Помощников

хватало, но верховная власть, разумеется, принадлежала бы молодой особе, которая приедет туда гувернанткой. На каникулах ей пришлось бы ещё и приглядывать за маленьким мальчиком: тот отучился в школе один семестр (рано посылать такого малыша, но что оставалось делать?) и, поскольку каникулы вот-вот начинались, должен был вернуться со дня на день. Сначала при обоих детях была молодая особа, которую они имели несчастье потерять. Она прекрасно с ними справлялась, очень почтенная особа, вплоть до самой смерти, а неловкость этой смерти как раз и не оставила другого выхода, кроме школы для маленького Майлза. Миссис Гроуз с тех пор по части манер и прочего делала для Флоры всё, что могла; кроме неё, там были кухарка, горничная, молочница, старый пони, старый конюх и старый садовник, все тоже вполне почтенные.

Дуглас дорисовал эту картину, и тут кто-то спросил:

— А от чего умерла прежняя гувернантка? От избытка почтенности?

Наш друг ответил быстро:

— Это выяснится. Я не забегая вперед.

— Простите, но мне показалось, вы как раз этим и занимаетесь.

— На месте её преемницы, — предположил я, — мне захотелось бы узнать, не связана ли эта должность с...

— С опасностью для жизни? — закончил за меня Дуглас. — Ей захотелось узнать, и она узнала. Что именно, вы услышите завтра. А пока, конечно, перспектива показалась ей мрачноватой. Она была молода, неопытна, нервна: впереди маячили тяжёлая ответственность, почти никакого общества, полное одиночество. Она колебалась, взяла пару дней, чтобы подумать и посоветоваться. Но жалованье namного превосходило её скромные ожидания, и при второй встрече она решилась и согласилась.

Дуглас сделал паузу, и я, чтобы развлечь компанию, вставил:

— Мораль, понятно, в том, что чары блестящего молодого человека подействовали. Она сдалась.

Он встал и, как накануне, подошёл к камину, поддел ногой полено и постоял немного к нам спиной.

— Она видела его всего дважды.

— Да, но в этом-то и красота её страсти.

К моему некоторому удивлению, Дуглас обернулся ко мне.

— В этом и была красота. Были и другие, — продолжал он, — кто не поддался. Он откровенно рассказал ей о своих затруднениях: несколько дам подряд отказались от места. Их что-то попросту пугало. Звучало это скучно и странно, особенно из-за главного условия.

— Какого же?

— Чтобы она никогда его не беспокоила. Никогда — ни обращаться к нему, ни жаловаться, ни писать; решать всё самой, получать деньги от его поверенного, всё взять на себя и оставить его в покое. Она пообещала и рассказывала мне, что когда он, на миг избавившись от забот и обрадовавшись, держал её руку и благодарил за жертву, она уже считала себя вознаграждённой.

— Но неужели это и вся её награда? — спросила одна из дам.

— Больше она его не видела.

— О! — сказала дама. Наш друг тут же опять ушёл от нас, и это было единственное существенное слово, сказанное на эту тему до следующего вечера, когда в углу у очага, в лучшем кресле, он раскрыл выцветшую красную обложку тонкого старомодного альбома с золотым обрезом. Вся история заняла, правда, не один вечер, но в первый раз та же дама задала ещё один вопрос:

— А как она называется?

— Никак.

— Зато у меня есть название! — сказал я. Но Дуглас, не слушая, уже начал читать, с такой прекрасной чёткостью, что красота авторского почерка будто переходила в звук.

I

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.